

A detailed oil painting of a middle-aged man with a prominent goatee, wearing a dark blue suit, white shirt, and patterned tie. He is seated at a wooden table in a restaurant or bar. On the table are a bottle of beer, two glasses of beer, and a plate of pastries. The background shows a window with a view of a city street and other patrons in the background. The overall style is realistic with visible brushstrokes.

Михаил Зосимов

Вокзальные часы

18+

Михаил Зосимов

Вокзальные часы

<https://litres.ru/73793047>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какова роль личности в истории, правильно ли мы понимаем исторические процессы, не преувеличиваем ли собственное значение в жизни общества, кого можно встретить и что может произойти порой в ресторанах в 90-е, нулевые, десятые...

Содержание

ВОКЗАЛЬНЫЕ ЧАСЫ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Михаил Зосимов

Вокзальные часы

ВОКЗАЛЬНЫЕ ЧАСЫ

Какой там, к чёрту, ТЕАТР?

Какая там ИГРА?

Вся наша жизнь - ПЕРРОН

На станции "ДЫРА"!

Есть, безусловно, на Свете такие люди, которые всегда и везде успевают. Они всё, до мелочей, планируют и стараются всё сделать сами. В крайнем случае, доверяют какую-то часть плана многократно проверенным кадрам, но, и тогда, постоянно их контролируют. Однако, думаю, даже такие исключительные индивидуумы попадают в ситуации, когда приходится признавать, что обстоятельства бывают сильнее нас. Мне, в этом смысле, постоянно "везёт", тем более, что ни к каким исключениям я себя не отношу...

Ужасно неприятный, хрипящий, шипящий и фонящий в динамиках голос "информаторши" сообщил по вокзалу, что поезд, на котором я должен был ехать, "с отправлением задерживается". Время возможного, насколько я смог разобрат, отправления в моей голове отразилось примерно так:

"Несколько часов ожидания". Я, в тот момент, как раз стоял у кассы и уже получил на руки билет, плюс причитавшуюся мне сдачу.

Бабка, что стояла аккуратно позади меня, взвыла, как сирена сигнализации: "Да, что ж это такое делается? Они с ума, что ли, сошли? У меня же все огурцы завянут!". Она орала сначала в окошко кассы, а когда то захлопнулось, переключилась на меня: "Ну, а Вы, чего стоите? Не слышали, что ли?" Я ничего не ответил, потому что знаю я таких особ. Им только скажи одно слово, так сразу получишь больше ста обратно, да ещё будешь во всём виноват, да ещё окажешься бог весть кем. Поняв, с минуту попялившись на меня, что я ни в группу её поддержки, ни в козлы отпущения не собираюсь, бабка схватила свои сумки, набитые какими-то газетными свёртками, и, раскачиваясь, как маятник, довольно-таки шустро куда-то направилась.

Я некоторое время ещё постоял у кассы, пытаюсь собраться с мыслями. В общем-то, я никуда особо не спешил и не опаздывал, но и торчать на вокзале - удовольствие сомнительное. Поэтому, для начала, я решил "это дело перекурить" и вышел на улицу возле главного входа. Там, наверху, висели огромные часы с циферблатом. Под этими часами я и встал...

У меня это вошло в привычку. Когда что-то подобное происходит, я, при возможности, иду и встаю под какие-нибудь часы. Получается, что надо мной метроном отщёлкива-

ет уходящие прочь мгновения, и, вместе с тем, я нахожусь вне времени, то есть не обращаю на него никакого внимания.

... Глаза пробежавших мимо людей, с вещами и без, чьи взгляды я успевал поймать, на мгновение вспыхивали завистью ко мне и моему необыкновенному состоянию покоя. Но затем поток жизненной суеты увлекал их за собой, и, вряд ли, кто-то из них вспомнит когда-нибудь, что был, де, такой человек, поднявшийся выше Самого Его Величества Времени.

Если бы вот так ещё подняться над собственным желудком... Но это была бы просто фантастика! Поэтому я, не спеша докурив, вернулся в здание вокзала и начал искать там ресторан. Давненько не бывал я в вокзальных "кабачках"! Потому решил вспомнить молодость и на разочек вступить в Клуб Любителей Опасного Питания - "КЛОП". "Клоповничек", как мы в юности называли общепитовские забегаловки, оказалось найти не так уж и легко. В связи с ремонтом, его упрятали аж под лестницу пожарного выхода. Надпись над входом гласила: "Ресторан " Дорожный". От такого названия вероятность поесть последний раз в жизни многократно возрастала. Однако, я не привык менять решения, и потом мне ещё помнился студенческий опыт, на который я надеялся больше всего.

Итак, я шагнул за дверь и оказался в зале ресторана. Гардеробом здесь служила прибитая к стене доска с крючками из загнутых вверх гвоздей. На этой доске уже висели два

жилета железнодорожников и фуражка без опознавательных знаков. Рядом с доской была прибитая табличка: "Вход в верхней одежде категорично запрещён!" Не смотря на это, я "категорично" решил куртку свою пока не снимать и прошёл дальше. В конце зала я увидел стойку-витрину, а за ней - женщину в бывшем когда-то белым халате, и направился туда.

В "Дорожном" в тот день давали: салат из свежих (было заметно, что вряд ли) овощей, пельмени "Любительские" (название мне сразу не понравилось), суп грибной (это только для постоянных членов "КЛОПа"), огурцы солёные (хрусталики соли, выступившие из них, не давали повода в этом усомниться), а также загадочное и по виду, и по названию блюдо: "чекотбилли". Остальные яства, указанные в меню, выставлены не были. Я решил, опять же из опыта, не спешить и, для начала, выпить чего-нибудь крепкого для смелости, закусив, при этом, парой яблок, которые я попросил, естественно, помыть и порезать на четвертинки. Выбор напитков был невелик и я, предварительно понюхав, взял двести граммов коньяка с нехитрым названием "Южный". После этого я присел за один из пяти столиков, расставленных вдоль стен заведения.

Стены были оклеены под кирпичную кладку обоями тёмно-коричневого цвета. В совокупности с полумраком, иначе местное освещение трудно было назвать, обои придавали помещению какой-то подвально-сантехнический вид. Того и

гляди сейчас сюда вбежит этакий пьяно-грязный слесарь и попросит ключ на семнадцать или что-то в этом роде. Про состояние ленолеума на полу я, пожалуй, умолчу, так как старался даже на него не смотреть. Мне хватало того, что мои ботинки постоянно к нему прилипали.

Выпив рюмку "Южного" и закусив яблоком, я осмотрелся вокруг. За соседним столом, прямо передо мной, сидели, как я понял, те самые воспитанные железнодорожники, что сняли свои просаленные мазутом жилеты в "гардеробе". Они были изрядно пьяны, хотя у них на столе стояли только стаканы с чаем, судя по свисающим ниточкам от пакетиков. Секрет оказался прост. По характерному бульканию и суете под их столом, мне стало ясно, что эти посетители принесли всё необходимое с собой. Электрический подсвечник, висевший рядом со мной, создавал эффект театра теней на противоположной стене. После второй рюмки мне показалось, что это были вовсе не тени, а пара бесов, пришедших, видимо, за моими соседями. Бесы эти, однако, не спешили обслуживать своих клиентов, а тоже по-своему расслаблялись, а именно: "хлестали" стаканами неизвестную жидкость, от которой при выдохе у них изо рта вспыхивал огонь. Картина эта была настолько реальной, что я решил с коньяком обождать и "налечь" на яблоки.

Внезапно в зал ввалился толстый мужчина в кителе работника железной дороги, судя по петлицам. Застёгнутый на одну пуговицу, как и рубашка, они оголяли кусок его пуза.

Вошедший визгливо заорал: "Уа-ася-я!", обращаясь, видимо, к соседнему столику. Те, в свою очередь, оглянулись на него, и один из них, сидевший ко мне спиной, промычал: "У нас обед!" При этом, он пытался стукнуть кулаком по столу, но промахнулся и, потеряв равновесие, упал со стула. Его напарник решил прийти на выручку, однако, сила тяготения, в купе с алкагольными перегрузками, позволила тому лишь съехать по невидимой наклонной на пол и встать на коленях рядом с упавшим товарищем.

— Васька, вставай! Васька-а...,- тряс тот упавшего то за плечи, то за голову.

- Козлы! - сплюнул толстяк и, ругая чью-то мать, покинул ресторан.

Между тем, слово, сказанное им, возымело на "Ваську" прямо-таки волшебное действие. Мало того, что он быстро поднялся сам, ещё и помог сделать это товарищу. "Васька" притянул его поближе к себе за рубашку и сказал тому прямо в нос: "Щас мы посмотрим, кто из нас козёл!" После этих слов железнодорожники вразвалку вышли из зала. Бесы, что их поджидали, видимо, тоже решили зайти как-нибудь в другой раз.

Сразу стало как-то тоскливо, поэтому я решил "накатить" ещё рюмашку. После того, как "Южный" провалился в мой желудок, мне вдруг очень захотелось есть. Алкоголь возымел своё действие лекарства против страха, и я заказал бутерброд с колбасой. Ещё больше уверенности мне прида-

ла буфетчица, сказавшая, что "копчёность привезли только утром". Оставалось надеяться, что "копчёность" и была той самой колбасой, а "утро" было сегодняшним. Пока она, стараясь потоньше, в отношении колбасы, конечно, нарезала мне закуску, в зале появился новый посетитель. Им оказался невысокий мужчина, лет пятидесяти, в кожаной кепке. Ещё на нём были джинсы, кроссовки и кожаная куртка. Он подошёл к витрине, подождал, пока меня обслужат, и сказал, картавя:

- Будьте любезны, милочка, отмейте мне гьям тгиста коньяку и поейжьте, если Вас не затгуднит, один лимон.

- Чего мерять-то? Вон, молодой человек,- кивнула на меня буфетчица,- двести заказывали, как раз триста осталось. Брать будете?

- Чудесно, чудесно...- мужчина на несколько секунд задумался, а потом резко повернулся ко мне,- Я вижу, вы - один... Я тоже... Позвольте составить Вам компанию? Не люблю, знаете ли, выпивать в одиночестве...

- Да, пожалуйста,- ответил я, честно говоря, не очень хотелось с кем-то общаться, но предложение было настолько внезапным, что я не смог на ходу придумать повод для отказа.

Мы присели за тот же стол, где я скучал до этого. Выпили за знакомство. Мужчина представился Владимиром. Услышав же моё имя, он вдруг воскликнул:" Это пгосто удивительно! Был у меня один знакомый, по пгофессии - печ-

ник..." Тут меня, как током, пронзила неожиданная догадка, я с опаской посмотрел на "Южный", что человека этого я видел. Видел неоднократно, чуть ли не постоянно и не везде, где бывал. Я совсем не слышал, что он мне рассказывал. Передо мной одна за другой вспыхивали картинки из моего пионерского детства и комсомольской юности.

- Вы, навегное, думаете, что этого пгосто не может быть?
- спросил Владимир, пристально вглядываясь в мои глаза.

- Уверен, что нет, но сейчас не очень...- промямлил я, совершенно запутавшись в своих мыслях.

- Напыасно, напыасно... Вы згя колеблетесь! Встаньте, в конце концов, твёгдо на одну из позиций. Увейены Вы или не увейены? Вот, в чём вопгос! Пгямо, как у Гамлета,- Владимир улыбался, однако, при этом смотрел мне в глаза всё так же пристально.

- Давайте, ещё по одной, и тогда я Вам скажу...- нашёлся я, так как чувствовал, что мне нужна небольшая передышка.

Пока мой собеседник наполнял наши рюмки, я попытался сконцетрироваться и, хоть немного, проанализировать помутившее моё сознание открытие. Безусловно, со мной за одним столом сидел человек, очень напоминавший и внешне, и голосом, и манерой поведения сфабрикованный коммунистами образ их Великого Вождя. Образ этот был слишком реален, и мне было как-то не по себе. В итоге, к моменту, когда Владимир закончил разливать коньяк, у меня в голове всплыли две основные версии происходящего: либо все-

му виной был "Южный", либо передо мной находился один из, так называемых, "двойников", то есть людей зарабатывающих на своей схожести со знаменитостями и во всём их копирующих. Я предпочёл остановиться на втором варианте, так как посталкогольными галлюцинациями, по крайней мере, до посещения ресторана "Дорожный" не страдал. Взяв в руку рюмку и подняв её над столом, я произнёс короткий тост: " Будем!" Потом, уже выпив, добавил:

- Так на чём мы остановились? Я немного задумался и забыл, о чём Вы меня спросили...

- Ничего, ничего... Я повтоюю... Истогия эта сколь удивительная, столь и пгавдивая. Ваш тёзка, печник, пгизывался в солдаты. Явился он, как полагалось, к стагосте, а тот ему и говойит: нету, мол, тебя в списке. Пгизывник наш опешил: как же так? Стагоста ему и пояснил, что фамилия, де, твоя, а имя - не твоё. Стало быть, гуляй пока, казак! Из-за этой вот негазбейихи вместо печника пгизвали дыугого человека. И тот, дыугой, попал-таки пгямо на фгонт, где полк, в котогом он служил, был полностью уничтожен пготивником. Выжило только несколько солдат. И что Вы думаете? Как газ, однофамилец нашего печника оказался в числе счастливичков! Вскойе, его с лёгкой кантузией демобилизовали, и он благополучно вегнулся домой. Так вот, печник наш после этого увеговал, что нет ничего более важного в жизни, чем наше собственное имя... А как Вы на это смогтите? - он опять с улыбкой посмотрел на меня.

- Трудный вопрос,- начал я, внутренне уверенный, что это полный бред,- То, что имя наше должно иметь, а может, и имеет какое-либо значение, это возможно. Но, чтобы оно было самым важным в жизни, тут я очень сомневаюсь...

- Опять сомневаетесь! Вы - типичный интеллигент, гусский интеллигент! Не кажется ли Вам, милейший,- Владимир откинулся на спинку стула и засунул руки в верхние карманы куртки, оставив снаружи большие пальцы,- что всё это вековое болото, именуемое Госсией, от того и вековое, что светлейшие наши умы постоянно сомневаются? Они, из века в век, пытаются найти ответы на гитойические вопгосы, а, в это всемя, не столь обгазованные и одайённые выскочки хватаются за гуж, котогый им не дюж, и твоеят такие беды, да наносят такой угон, что и в самых стыашных сказках не сказывалось... Ещё по маленькой?

Я кивнул. Для обычного "двойника" этот Владимир мыслил и говорил слишком ясно и глубоко. Не сказать, что я был с ним полностью согласен, но его изложение сути вопроса казалось мне очень даже здравым. Выпив, между тем, свой "Южный", я сказал:

- Отчасти Вы правы. Несомненно, наша интеллигенция постоянно пытается занять нейтральную позицию, либо уйти в высшие, над суетным миром, сферы. То есть, разбираться в вопросах противостояния Добра и Зла где-то там, выше облаков, а не здесь, на земле, которая прямо под ногами. Да, конечно, этим пользуются люди более приземлённые, так

сказать. И те из последних, кто пошустрее, да посмекалистее, да понаглее, прямо говоря, прорываются на самый верх иерархии и там упиваются тем, ради чего они туда, собственно говоря, стремились, а именно - властью. Власть ради власти это их предел...

- Интейесно, интейесно...- прервал меня Владимир,- Вы, батенька, пгямо-таки геволюционег... В Вас так и светится пыл изменить существующий миговой поймадок! С такой внутгенней болью и негодованием в голосе Вы сейчас говойили! Что же Вас не устгаивает? Может, Вы и теогию Дагвина оспойите в пункте внутгивидовой бойбы за выживание?

- С Дарвином спорить, конечно, трудно. Но я считаю, что теория эта больше подходит дикой природе. Человек же наделён разумом и, уверен, душой. Он не только способен чувствовать и желать что-либо, но и владеет силой сдерживать, соизмерять, прогнозировать, а также делать выводы,- я говорил, а Владимир всё внимательнее вглядывался в мои глаза,- кроме того, он способен сочувствовать другому человеку, способен любить, в конце концов, и даже пожертвовать своей жизнью...

- Всё-всё! - снова прервал меня Владимир,- Ваша точка згения по этому вопгосу мне абсолютно ясна. Она типична для классовой пгослойки, к котогой Вы, несомненно, относитесь. Я с Вами не соглашусь, но это не суть важно. Главное, что мы, то есть Вы и я, стоим, так сказать, по одну стогону байикад! За это пьеделагаю поднять бокалы! - после этих

слов Владимир повернулся к буфетчице и громко сказал ей,- Милочка! Пгинесите нам ещё гыамм тгиста Вашего замечательного коньяку!

- Берите уж сразу бутылку! - как-то грубовато ответила она,- Чего его туда-сюда наливать-то?! И, потом, перестаньте звать меня милочкой! Меня это бесит! Так называла меня покойная ныне свекровь. Царство ей небесное! Вообще-то, я - Светлана...

- Как Вам будет угодно, Светлана,- спокойно произнёс Владимир,- Что ж, давайте нам сыазу бутылку.

В этот момент в зал вернулся "Васин" соратник. Он с ходу полез под стол, за которым они ранее "обедали", извлёк оттуда полупустую бутылку (Я успел рассмотреть надпись на этикетке:" Водка "Злачная"), засунул её в карман брюк, а затем направился к Светлане.

- Свету-уля-я, радость моя! - полупрокричал-полупромычал он, протягивая ей банкноту,- Вот, Васька передал за стол, да сказал, что сдачи не надо, во-от...

- Пошёл отсюда, придурок! - взяв, однако, деньги, прокричала, подбоченясь, Светлана,- Какая ещё сдача? Он мне ещё два раза по столько должен! Как проспитеь, я вам такую сдачу устрою!

- Ну, Свету-уля-я... Не ругайся! Мы ж тебя... лю-юбим... А завтра аванс у нас... Зайдём, конечно... Всё, дел по горло... Я пошёл,- с этими словами железнодорожник пьяной походкой поплёлся к выходу.

Светлана, между тем, принесла нам бутылку "Южного", и я, заодно, попросил её нарезать ещё несколько бутербродов с колбасой. Владимир, тем временем, разлил по рюмкам коньяк и промолвил:

- Ну что ж, как я уже говойил, мы с Вами бойемся за газные вещи, но, обгазно говойя, плечом к плечу. Так давайте выпьем!

- Давайте! - сказал я,- Хотя я лично ни с кем и ни за что не борюсь...

- Оч-чень даже ошибочное мнение! То, что Вы живёте в этой стгане, одним этим Вы уже бойетесь! Вспомните: "Вся-то наша жизнь и есть бойба". Как бы Вам самому это не казалось, объективно газмышляя, Вы согласитесь, что в Госсии постоянно пгиходится пгеодолевать бесконечные тгудности и даже пгегыады. Не так ли?

- В общем-то, да...- рассеяно ответил я. Затем, набрался смелости и задал-таки Владимиру вопрос, который всё время, пока мы беседовали, крутился в моей голове,- Я вот, что хотел спросить: А Вы, случайно, не двойником Ленина подрабатываете?

- Я не подгабатываю, а габотаю! И не двойником, как Вы изволили выгазиться, а Лениным! Догадываетесь где?

- В театре, наверное или...

- В Мавзолее, милейший, в Мав-Зо-Ле-Е!

- То есть, Вы хотите сказать...- я, конечно, опешил. Сначала я, правда, решил, что Владимир шутит, но взгляд у него,

при последних словах, был более, чем серьёзный. Но я продолжил говорить, не смотря на мысленный кавардак в моей голове,- Вы хотите сказать, что лежите в Мавзолее вместо трупа...

- Какого ещё тгуа? Кто Вам, вообще, сказал, что там лежит тгуа?- в его голосе зазвучали нотки искреннего негодования.

- Как это, кто сказал? Мне с детства говорили, что в Мавзолее лежит Ленин, Вождь Мирового Пролетариата...

- Пгавильно. Ленин!!! А не какой-то, знаете ли, тгуа!

- Но как же так! Я, сам помню, читал в газете о целой лаборатории, которая работает над сохранением тела...

- Постойте, милейший! Вы хотите сказать, что повеили какой-то завшелой бугжуазной газетёнке... А то, что вокы-уг Вас огыомными буквами было всегда и везде написано: "Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!" Это показалось Вам непгавдоподобным? Ну, знаете ли...

Мне показалось, что я начинаю сходить с ума. Да ещё этот "Южный"! Владимир, кстати, воспользовался паузой и вновь наполнил рюмки. В моей голове вихрем промчались какие-то революционные лозунги, застойные плакаты, отрывки из выступлений генсеков и советских песен, и я никак не мог в этих нахлынувших воспоминаниях выбрать хоть одно, где бы говорилось, что Ленин умер. Владимир смотрел на меня и улыбался, как будто знал, какую мозговую бурю он мне устроил. Затем, он продолжил:

- Давайте-ка выпьем за Вас, Фому Невегующего, ибо сегодня, увейяю Вас, Вы пгозгеете!

Мы выпили. Я почувствовал, что стало пошаливать давление, приличная доза коньяка, видимо, давала о себе знать. Я уже решил, что надо бы растянуть паузы между рюмками, дабы, хоть немного, прийти в себя, и даже начал придумывать способ, как мне это сделать, но тут в зал вошли новые посетители. Я облегчённо выдохнул и сосредоточил, показав это взглядом Владимиру, своё внимание на них.

Вновьпришедшие по виду напоминали студентов, причём, скорее всего, столичных. Они были модно и вызывающе, для провинции, одеты, да и вели себя слишком раскованно, наплевав, что о них подумают. Двое парней и одна девушка уселись за тот самый стол, где я недавно смотрел "театр теней", и, не обращая никакого внимания ни на нас, ни на Светлану, принялись что-то обсуждать, показывая друг другу экраны мобильных телефонов.

Светлане, видимо, не понравилось, что в её заведении позволяют себя вести подобным образом. Она вышла из-за витрины, подошла к ним и спросила:

- Молодые люди! Вы ничего не перепутали? Здесь - ресторан, а не игротека!

- А почему это Вы сразу нам хамите? - сказал один из парней, у которого почти всё лицо было в прыщах,- Мы зашли выпить по чашечке кофе... У Вас ведь есть кофе?

- Только растворимый. Сколько? Три?

- Нет, два. А девушке, если можно, чай.

- Хорошо. Два кофе, один чай. Это всё?- проговорила Светлана уже голосом помягче.

- Я хочу пирожок!- весело воскликнула девушка, подпрыгнув немного на стуле и, хлопнув, при этом, в ладоши.

- Пирожков нет. Есть сосиска в тесте. Устроит?- монотонно-устало произнесла Светлана, подумав, наверное, что она в молодости точно не была такой дурочкой.

- Не хочу сосиску, хочу пирожок! - капризно скривив лицо и капризным же голосом прокричала девушка.

- Радость моя, Вы что, оглохли? - снова начала заводиться Светлана,- Я же Вам русским языком сказала: нет пирожков!

- Всё, всё, всё... - прыщавый парень привстал, подняв ладони вверх,- Больше ничего не надо... Извините нас, пожалуйста!

Светлана, молча, удалилась в свою "цитадель" с видом победительницы и начала там копошиться с чайником. Молодёжь же, согнувшись над столом, шепталась и тихо хихикала.

Владимир, пытаясь привлечь моё внимание, постучал своей наполненной рюмкой по бутылке и, при этом, показал глазами на рюмку с коньяком, что стояла рядом с моей рукой. Меня уже порядком развезло, и я твёрдо решил: ещё одну и ни-ни. Своевременно появилась Светлана с тарелкой бутербродов, ибо "воровка градусов" - закуска казалась мне, в тот момент, как нельзя кстати. Уже безо всяких тостов, наскоро выпив и закусив, я решил продолжить беседу, так как

слишком расслабился и не на шутку боялся сломаться.

- Владимир... Ильич,- начал я, негромко икнув.

- Покойнейше Вас пгошу,- жёстко оборвал меня Владимир. Он говорил эмоционально и одновременно очень тихо,- не называть меня по имени и отчеству, так как, в совокупности с моей внешностью и голосом, это пгивлекает повышенное внимание к моей пегсоне. Люди начинают вести себя, как в зоосаде: показывать на меня пальцем, смеяться и тому подобное. Некоторогые даже пытаются со мной сфотографироваться...

- Нет проблем! Однако, мне кажется, в данной ситуации Вам это не грозит. Так как Светлане далеко не до этого, да и некому ей на Вас показывать пальцем, а у молодёжи, я думаю, Вы вряд ли можете вызвать хоть какие-то ассоциации. Я готов поставить...- на секунду я задумался, что бы я мог поставить, но язык уже опережал мой рассудок,- бутылку "Южного", что они даже понятия не имеют, кто такой был Владимир Ильич...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.